

УДК 808.2-085.5(082)

СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА И СУДЬБА РУССКОГО ЯЗЫКА

О.Б. Сиротинина

В статье представлен краткий обзор рискогенных периодов пополнения русского лексикона и современного состояния коммуникации на русском языке в разных сферах общения с точки зрения рисков для экологии языка и речи, процессы их взаимодействия, факторы экологической рискогенности и способы предупреждения возможных рисков. На основании мониторинга разных видов СМИ в статье обращено внимание на негативную роль для судьбы языка оппозиционных текстов в СМИ, а также вообще в речи журналистов. Подчёркнуты различие свободы мнения и свободы выражения, недопустимость снятия ограничений на употребление обсценной, грубой и нелитературной лексики, необходимость изменения обучения русскому языку в школе.

Ключевые слова и фразы: русский язык; коммуникативная компетентность; факторы рискогенности; влияние СМИ на судьбу языка.

MODERN COMMUNICATION USAGE AND THE FATE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

O.B. Sirotinina

The article presents a brief account of riskogenic periods of the growth of the Russian lexis. The present day condition of Russian communication in different communication spheres in the context of risks for language ecology, processes of their interactions, ecological riskogenics factors and the ways to prevent possible risks are also discussed. Based on monitoring of different mass media the idea of the negative for the Russian language of oppositional mass media texts in journalists' speeches. The difference between the freedom of opinion and the freedom to express one's thoughts, unacceptability of liberalization in abusive, rude and non-print lexis usage, necessity of changes in the Russian language school tuition are emphasized.

Keywords and phrases: the Russian language; communicative competence; facts of communication riskogenics; media impact on the fate of the language.

Одним из важнейших вопросов лингвистики является забота об экологии языка как национального достояния народа и экологии речи как защиты от рискогенности коммуникации и порчи языка [Сиротинина 2013].

Во все периоды истории человечества вырабатывались и старались соблюдаться законы гармонизирующей, а не конфликторождающей коммуникации. Лингвистика начиналась не только с грамматики, обеспечивающей правильное использование языка, но и с риторики, учившей преодолевать коммуникативные риски. В традициях любого народа и табуированность определённых групп лексики из страха перед богом / богами или дьяволом, опасными животными (*медведь, топтыгин* не прямые номинации), но и во избежание

оскорблений (мата / нарушений этических норм / номинаций так называемого человеческого низа и т.д.).

С развитием общества, появлением письменности усложнялись понятия принятого, конвенционально обусловленного – с одной стороны, и расширялись границы конвенциональной общности – с другой. В результате этих процессов складывалось уже не только устное узкодиалектное общение, но и менее территориально ограниченное койне (превратившееся потом в просторечие) и нормы письменного (литературного) языка, который, в ещё большей степени объединяя народ (а потом и народы) на большой территории, передавался следующим поколениям уже не только как традиция, но и путём специального обучения. Для сохранения экологичности языка и речи с появлением литературного языка создались новые условия.

Постепенно начали вырабатываться и устные формы литературного языка. Расцвет формирования устных норм литературного языка наступил после распространения радио, а потом и телевидения. Однако до сих пор в отношении правильности речи в сознании людей приоритет отдаётся письменной форме, устная форма вынужденно гораздо терпимее к нарушению норм любого уровня языковой системы (даже ошибки в ударении встречаются мягче, чем орфографические ошибки). Характерно само понятие *непечатной лексики*; хотя произнесённая, она не менее оскорбительна, чем напечатанная или написанная.

С появлением литературного языка, всё более и более расширяющихся его функций и сфер применения расширяется и понятие его экологичности. Это уже защита не только от всего коммуникативно рискогенного в прежнем понимании, но и от нарушения всех норм: лексических, фонетических, синтаксических, т.е. не только этических, но и собственно языковых. Характерно возникновение спора о допустимости / недопустимости пополнения лексикона «чужими» словами. Если первоначально заимствования из соседних языков в процессе контактов разного рода легко проникали в систему языка, постепенно адаптируясь к ней, начало XIX в. ознаменовалось уже принципиальным спором карамзинистов и шишковистов, который, то затихая, то обостряясь, фактически продолжается до сих пор. Одновременно (и тоже до сих пор) возникает разное отношение к пополнению литературного языка из нелитературных страт национального языка. Существовало оно, конечно, тоже всегда, но в разные периоды истории России с разной интенсивностью.

В XIX в. «законодателем» была художественная литература. Именно она открывала путь в систему языка одним диалектным явлениям и закрывала другим. Такова, скажем,

судьба слов *петух* и *кочет*, *жница* и *стерня*, *змея* и *козюля*: севернорусский вариант стал литературным, поскольку большинство великих писателей XIX в. были выходцами из мест бытования не южнорусских диалектов.

В XX в. на речь населения первостепенное влияние начинают оказывать газеты, а потом и устные виды СМИ. И поскольку убранные поля южнорусских территорий попадают в них чаще, чем севернорусские (по климатическим условиям), в языке СМИ появляется *стерня*, а *окот овец* вытесняет *ягнение*, так как овец опять-таки разводят в больших масштабах на южнорусских территориях, в степях.

Но дело, конечно, не в этих словах. «Законодателем» хорошей речи постепенно становится уже не художественная литература, а именно СМИ, к концу XX в. уже и не столько газеты и даже радио, сколько телевидение, в XXI в. – Интернет, через блоги, форумы и чаты осуществляющий влияние на речь населения, уже и повседневную, часто спонтанную и далеко не всегда литературную.

В советский период экологичность русской речи пострадала сначала от неграмотной речи в СМИ (доступ в газеты получило малограмотное население), но это длилось сравнительно недолго, завоеванием советского периода стала ликвидация безграмотности, люди начали читать (и не только газеты), заканчивать школу и даже вузы, в результате возобновилось влияние художественной литературы, а цензура не пропускала ни в неё, ни в СМИ нелитературные элементы.

Однако следствием всеобъемлющего цензурирования не только печатной, письменной, но и устной речи (на радио и телевидении было только **чтение** отредактированных и многократно утверждённых текстов) явилось оказывание речи, появление советского новояза, осмеянного К. Чуковским (вопрос на улице к маленькому ребенку: *По какому вопросу ты плачешь?*) и названного им *канцеляритом*. Становление новояза опустошило русский язык и по сути (штампованность речи, фактическая бессодержательность) обеднила его лексический состав.

Борьба с «пустой громкостью» (*благоустроенные квартиры* – о хрущобах и т.п.) в годы перестройки и особенно в 90-е годы привела к замене подготовленных журналистов на раскованных лесоводов, электриков и т.д., из которых далеко не все состоялись потом как известные журналисты, но вреда русской речи нанесли много.

Не имея лингвистической компетентности, они поставили своей целью превратить СМИ в зеркало речи масс (вместо того, чтобы стать для них маяком), а для этого во что бы то

ни стало **добиться** снижения речи в СМИ. Вооружившись «Словарём живого великорусского языка» В.И. Даля (почти двухсотлетней давности и не нормативного), они стали дополнять его услышанными в повседневном общении и увиденными в начавших издаваться словарях молодёжного жаргона, лагерной фени, мата и т. д. нелитературными словечками. В моей картотеке мониторинга СМИ тех лет есть *Половина (общества) **сиганула** вправо; Премьер-министр **надысь** отправился в Японию. Недавно, снова, как раз* были заменены на *надысь, давеча, намедни*; стали широко употребляться безграмотное *по новой*, просторечное *аккурат*, которое стойко держится до сих пор. Мат перестал быть табуированным, его начали даже пропагандировать как подлинно русское и народное средство языка, хотя именно в глухих русских деревнях он, по свидетельству диалектологов, строго табуирован и сейчас. Проводя каждое лето с 1945 по 1956 г. в диалектологических экспедициях, ни я, ни студентки ни разу не слышали ни одного обсценизма, хотя в присутствии студентов-мужчин они были возможны, но редки. В конце 60-х – начале 70-х колхозный возница извинялся и просил севшую в телегу женщину заткнуть уши *А то лошадь не пойдёт*. А в 90-е годы мат полностью вышел на свободу, и все попытки снова загнать его в «бутылку» пока не удаются. Да, в СМИ его уже заменяют точками и пипиканьем, но со сцены и в кино он ещё возможен, даже в истинно художественной литературе (у Э. Радзинского) тоже (хотя и не всеми буквами). Результат – мат звучит, а депутаты в суде оправдываются: *Друзья могут подтвердить, что у меня каждое второе слово такое*.

И действительно, мат фактически из запредельного ругательства превратился в слово-паразит. Однажды мне пришлось услышать сплошной мат молодой девушки в общении с женихом, которая была в восторге от **удачного** захода в магазин. Хранящиеся на кафедре русского языка и речевой коммуникации СГУ записи разговорной речи студентов (с 1963 г. по настоящее время) – наглядное свидетельство резкого огрубления речи студентов.

И дело не только в мате. Грубая лексика свободно печатается, звучит с экрана телевизора и на радио, границы на её употребление исчезли. Хотя в законах о государственном языке и о средствах массовой информации они есть, борьба за свободу слова, т.е. мнения, переросла в борьбу за свободу самовыражения. Но ведь свобода каждого ограничивает свободу других – свободу не слышать грубые номинации, оскорбляющие человека или его элементарное чувство брезгливости. В этом отношении «хороши» как журналисты провластных СМИ, так и журналисты оппозиционных СМИ и текстов.

Мой ежедневный мониторинг газет: «Комсомольская правда», «Российская газета», «Московский комсомолец» (федеральный выпуск), «Новая газета», еженедельные «Аргументы и факты», «Поиск» – телепередач каналов «Россия I», «Россия-K», «Россия-24», ТВЦ, РЕН ТВ, некоторых передач Первого канала («Познер»), радио России («Вести», «Персона грата», «От первого лица», «Особое мнение») и радиостанции «Эхо Москвы» – показал значительные нарушения экологичности речи, неизбежно приводящие и к нарушениям экологичности языка. Следует отметить, что эти нарушения замечаю не только я (лингвист), но и радиослушатели саратовской интерактивной радиопередачи «Служба русского языка», превратившейся в еженедельный 50-минутный клуб любителей русского языка, далеко выходящий за пределы областного центра (среди его участников люди разного возраста и профессий, мужчины и женщины разных городов и посёлков, всё подмечающие, возмущающиеся и уточняющие, правильно ли они возмутились). Эта передача демонстрирует равнодушие к судьбе языка, очень глубокую заинтересованность в сохранении его чистоты и богатства. Экология речи для них очень важна. Но о результатах мониторинга СМИ как «попустителя» и даже «наставника» в процессе огрубления речи будет сказано ниже.

Грубая и нелитературная лексика не единственный источник нарушений экологичности языка и речи. Второй источник нарушений экологичности – неиссякаемый поток англицизмов. Вполне понятна нужда в них. С одной стороны, причина этого – современная глобализация мира, роль в нём английского языка, позволяющего общаться при его помощи и далеко за пределами англоязычного мира. Но кроме того возникла и необходимость в номинациях тех предметов, действий, явлений, которых раньше или просто не было (Интернет, ноутбук и т.д.), или не было в условиях советского режима (новые профессии, новые виды финансовых операций, разного рода услуг или появление неизвестных ранее россиянам продуктов, овощей, фруктов, модной одежды). В истории России было несколько периодов такого пополнения лексикона: в эпоху Петра I; французский язык дворянства в 19 веке; в начале советского периода (*коммуна, комиссары*); 90-е годы. В 90-е годы в лингвистике обсуждался даже вопрос о превращении русского языка в русланг [Данн 1998].

Очевидно, что заменять *бульвар* на *гульбище* неразумно. Но нецелесообразна и замена русского слова с прозрачной внутренней формой *подросток* на английское *тинейджер*, в 90-е годы полностью вытеснившее русское слово из СМИ и торговли. К счастью, *подросток*

снова вернулся, а *тинейджер* фактически остался только в словарях. Вместе с тем своё место в системе языка получили ставшие уже привычными *бой-френд*, *шопинг*, *супермаркет*, вытеснивший столь же нерусское *универсам*, и даже заимствованный словообразовательный суффикс *-инг* (в русском языке часто не отглагольный: *банкинг*, *джипинг*, *лифтинг*). Если в слове есть нужда, почему не воспользоваться готовым, даже если на первых порах оно не совсем понятно, как, например, *коворкинг* из английского *coworking* – совместная работа, но с новым значением? Или *вендинг*, *консалтинг* (подробнее см. [Куликова 2014]). Однако при использовании в СМИ новых заимствований обычно требуется разъяснение их значения (см. [Сиротинина 2014]). Иначе это засорение речи непонятными словами, что не может считаться экологичным. Хотя английский суффикс *-инг* уже занял своё место в системе русского языка, вряд ли закономерно (и следовательно, экологично) его использование (довольно широкое в «Новой газете») для обозначения процессов в тех случаях, когда их номинации созданы от имён собственных (*путинг*, *пехтинг*, *маркинг*, *маргелинг*).

В советский период большую роль в распространении того или иного слова, ошибочного или, наоборот, правильного ударения, сочетаемости играла речь первого лица в государстве: замена И.В. Сталиным слова *оккупанты* на *захватчики* (*смерть немецким захватчикам*) моментально и навсегда изменила состав этого сочетания (и в 2014 году отмечалось *семидесятилетие освобождения Ленинграда советскими войсками от блокады немецкими захватчиками*), даже в словари вводилось вариантное сталинское написание *эксплоатация*; вслед за Н.С. Хрущёвым распространилось ударение на первом слоге в слове *молодежь* (спасла только рифма в песне: *Если песню запекает молодёжь, эту песню не задушишь, не убьёшь*); вслед за М.С. Горбачёвым стали говорить *нАчать* ... Б.Н. Ельцину уже не подражали (в СМИ пародировали его *понимаешь*). В.В. Путина нередко обсуждают (в оппозиционных СМИ осуждают) за то или иное словечко, но слепого подражания давно уже нет, и это хорошо. Но главное не это, а то, что за редким исключением современные руководители страны умеют пользоваться русским языком, а потому их речь и не влияет на речь населения негативно, хотя, конечно, не всегда безупречна.

Особенно далека от безупречности и не пользуется влиянием на речь населения речь судебной власти (включая законодательную) и власти чиновников среднего и нижних уровней. Вся корпорация юристов современной России демонстрирует пренебрежение акцентологическими нормами литературного языка, не отдавая себе отчёта, что фактически это невыполнение закона о государственном языке. Это очень плохой пример

незаконнослушания, которым, к сожалению, и так заражены россияне. Кроме того, суд совершенно утратил свою воспитательную роль в обществе не только из-за недоверия к его справедливости, но и потому, что ни прокуроры, ни судьи (в меньшей степени адвокаты) не владеют не только риторическим мастерством, которым в дореволюционной России славились, но и элементарными способностями эффективно выстроить текст, даже просто внятно его прочитать. А ведь было время, когда в суд приходили слушать речи прокуроров и адвокатов, решения (приговоры) судей.

В законодательной практике не осуществляется достижение необходимого баланса обобщения и конкретизации, что способствует возможностям закон обходить. Законы все обязаны исполнять, но практически подавляющее большинство населения их не читает, а если пытается читать, то не понимает из-за ужасающей синтаксической сложности, нелогичности разграничений. Неясны, например, в законе о выборах критерии рангов *занимающих государственную должность* (куда входят и избираемые депутаты Госдумы) и *госслужащие* (министры), но ещё есть *бюджетники*, которые *госслужащими* не являются. Нередко тексты законов очень велики по объёму (например, закон о балльной оценке условий труда занимает в «Российской газете» три полосы мелким шрифтом). Всё это приводит к тому, что положительного влияния на судьбу языка судебная (в целом – юридическая) ветвь власти не оказывает. И вина в этом не только юристов, но и лингвистов, смирившихся с существованием акцентологических «норм» у юристов (*осУжден, возбУждено*), а также осуществляющих недостаточно строгую лингвистическую экспертизу принимаемых Госдумой текстов законов. Для текстов законов очень важен баланс обобщения и конкретизации, так как полная конкретизация принципиально невозможна, а он далеко не всегда соблюден. Отсюда их излишняя, затрудняющая осознание главного, длина и нередко нелогичность, а следствие – плохое знание законов и их несоблюдение. Конечно, к проблемам экологии языка и речи это прямо не относится, но с коммуникативной практикой и ролью языка в жизни общества связано непосредственно.

Влияние представителей власти фактически, как уже было сказано, закончилось, речь чиновников примером явно не служит, а потому и не влияет на судьбу языка, но коммуникативная практика от речи чиновников явно зависит, и, к сожалению, негативно.

Влияние писателей минимизировано, так как художественную литературу фактически не читают, а то, что читают, истинной литературой не является и поэтому вряд ли задерживается в сознании.

Школа, и это самое страшное, уже тоже минимизировала своё влияние, так как сосредоточилась только на подготовке к ЕГЭ и на уроках русского языка, несмотря на разработку новых стандартов, нацеленных на выработку навыков успешной коммуникации, продолжает учить правилам формообразования, но не общению при помощи языка. Уроки русского языка и реальная коммуникация в сознании учеников не связаны, о судьбе языка и экологии речи школьники (и даже учителя) не задумываются и подавно.

Остаются два фактора, под действием которых развивается или деградирует язык: влияние «четвёртой» власти, т.е. СМИ, и повседневной речи, того, что видим и слышим вокруг нас и на экранах компьютеров.

Насколько же экологична эта речь?

Повседневная речь, конечно, очень разная, зависит от типа речевой культуры адресанта, не всегда прямо зависящего от уровня и характера образования. Но наблюдения свидетельствуют, во-первых, о том, что в своём большинстве повседневная речь не поднимается выше уровня среднелитературной, а многие представляют собой обиходный тип, то есть фактически не способны строить монологическую речь, и господство интернет-общения с помощью различных технических средств этому только способствует.

Специальные исследования студенческой речи без включённого наблюдателя говорят о всё возрастающей её грубости, а с включённым наблюдателем – о резком обеднении культурного кода даже у будущих журналистов (фактическое отсутствие в их сознании прецедентных текстов и даже прецедентных имён). Это очень грозный сигнал и для экологии речи, и для судьбы языка в целом (эмоции выражаются только матом, синонимическая бедность и грубость как лексическая, так и синтаксическая, прецедентность связана только с современной эстрадой и рекламой). Информационная доступность через Интернет не столько расширяет кругозор, сколько сужает, делая ненужным что-либо запоминать.

Конечно, такова не вся повседневная речь, но, к сожалению, говоря современным языком, это основной тренд её развития. Надежда только на улучшение школьного образования в соответствии с новыми стандартами, что, в свою очередь, возможно только при улучшении подготовки учителей и создании новых учебников русского языка (см., например, [Милославский 2013]).

Влияние СМИ, естественно, тоже неоднородно. Тезис «Скажи мне, что ты читаешь и слушаешь, и я пойму, кто ты», безусловно, работает не только в политике, но и в отношении речи, относится и к языку.

Газеты принято делить на «качественные», массовые и таблоиды (жёлтая пресса), теле- и радиопередачи – на серьёзные и чисто развлекательные. Ещё более значимо деление на печатную и только аудиальную передачу информации, а последнюю – на подготовленную и прямого эфира.

Всё это безусловно играет роль для безоговорочного или менее требовательного отношения к соблюдению норм литературного языка и рекомендаций риторики. Но, как показал мой мониторинг, иногда даже больше, чем личность журналиста, на его речь влияет проправительственная или оппозиционная редакционная направленность издания, канала, радиостанции, о чём говорят речевые характеристики одного и того же журналиста в эфире разных редакций и на страницах разных газет. Причём различен не только и даже не столько контент, его политическая направленность, сколько его речевое выражение (особенно наглядно это в речи таких видных журналистов как Н.К. Сванидзе, Л. Радзиховский, М. Ганнопольский.

Есть, конечно, и журналисты, которые всегда верны себе: где бы ни выступал В.В. Познер (на первом канале или на «Эхо Москвы») – это эталон речи (отдельные нарушения норм ударения встречаются, но очень редко). Это А. Минкин (и в независимом «Московском комсомольце», и на «Эхо Москвы»), П.Н. Гусев (редактор «Московского комсомольца» и один из гостей «Особого мнения» на «Эхо Москвы»), часто резко критикующие кого- или что-либо, но всегда остающиеся в пределах риторических и коммуникативных норм; приближающийся (не по взглядам, а по культуре речи) к ним М. Шевченко. И противостоящая (нарушающая элементарные нормы общения, за что редактор «Эхо Москвы», по его словам, бывает вынужден извиняться) Ю. Латынина, как в качественной «Новой газете», так и в устном «Код доступа» на «Эхо Москвы» нарушающая элементарные нормы этики, использующая самые грубые из возможных синонимов (*отребье*, и даже вместо ставшего в СМИ модным, хотя явно нежелательным для употребления в них, слова *дерьмо* ещё более грубое и абсолютно неприемлемое обозначение того же на букву *г*). От неё эталонной публицистической речи и не ждешь, она во всём (и в своей речи тоже) ярко оппозиционна (причём не только власти, но и, например, правозащитникам, а также всем материально не обеспеченным людям, с её точки зрения, напрасно допущенных к праву избирать власть, не верит в демократию принципиально).

Меня удивляет речевое «хамелеонство» видных журналистов, но факт остаётся фактом: отношение к языку у редакций зависит от степени оппозиционности, а не только от степени «качественности» / желтизны.

Какой же пример подаёт «четвёртая» власть? По сравнению со СМИ 90-х годов, она конечно, значительно менее вредна, это уже не «шершавый» язык (см. книгу Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. 2-е изд. М., Трэйвис, 2000. 272 с.), но всё ещё далекий от эталонного публицистического. Наиболее выдержана в рамках литературного языка речь в «Российской газете» и новостных программах всех телеканалов и радиостанций, однако и она далека от совершенства.

Прежде всего нарушаются нормы в речи гостей. Конечно, это не в речи журналистов, но мы постоянно слышим с экрана ТВ и по радио не только *обеспечЕние* (из уст всех представителей власти), *ходатАйство* (из уст многих представителей власти тоже), *квАртал*, *нАчать* и *вкЛЮчить*; прокуроры, судьи, представители Следственного комитета, полиции говорят *осУжден*, *дело возбУждено*, но и постоянно звучит *учитывать о том*, *понимать о том* и даже *видеть о том* (так говорят министры РФ), то есть языковые нормы уважаемыми гостями не соблюдаются.

«Российская газета» осторожнее других выражает свою антипатию к избранному 25 мая новому президенту Украины, но всё же приемлем ли заголовок на первой полосе (РГ 29.05.2014): *Куда подался Пётр?* (к статье об усилении кровопролития на юго-востоке после его избрания)? Хотя в целом о всех событиях в Украине, в отличие от других газет, «Российская газета» информирует предельно неэмоционально, выбирая самые нейтральные синонимы или цитируя киевские термины («*активизация антитеррористической операции*»), или фиксируя факты (*боевые действия в Донецке*, *кровь на улицах*, *кровь на улицах Донецка*, *проведение карательной операции*), но никаких *фашисты*, *хунта*, *преступление* и т.д., и даже сниженная лексема (*они «отстегнули» Украине скромные 1,9 миллиарда*) встретила только один раз, и то взятая в кавычки. Однако это не означает безукоризненность её речевого наполнения. В этом же номере есть сомнительный эпитет («*вдумчивый*» *продукт* – о бумажной версии газеты), ошибочное размещение союза *также* в начале предложения, даже абзаца: *Также она выражает опасение, что существенно могут снизиться доходы кафе* – РГ 28.05.14; тоже с абзаца: *Также в законопроекте указано, что* (РГ 28.05.14); синтаксическая неопределённость (*пассажирам могут отказать в продаже билета; А их имена внесут в черный список*

(РГ 28.05.14) – кто? *Стало известно, что Минтранс поддерживает законопроект при его некоторой доработке* (Там же) – кто именно в Минтрансе и при какой именно доработке, при прочтении всей статьи остаётся неизвестным.

«Российская газета» (и другие газеты тоже) широко использует воскрешённый новояз: к синтаксической неполноте (*могут отказать*) добавляется субстантивная неполнота (*считают эксперты – кто именно?*).

В этом «Российская газета» ничем от других газет не отличается. Остальные газеты нашего мониторинга отличаются от «Российской газеты» ещё большей свободой самовыражения в использовании нелитературной лексики и в отношении коммуникативных норм.

Используется не только сниженно разговорная, но и просторечная, жаргонная, грубая лексика (см. [Матяшевская 2013]); этически недопустимое использование имён и фамилий тёзок известных людей (даже Владимира Путина). Так, в «Аргументах и фактах» (2014, № 22) полоса озаглавлена *Что Владимир Путин ответил читателям АиФ*, а под ней ответы его тёзок с их портретами, на которых надписи: *Мнение Путина, Позиция Путина, Взгляд Путина*. Может быть, это и оригинальный приём показа единства В.В. Путина-президента и народа, но этически всё же сомнительный. А чего стоит заголовок полосы в «Комсомольской правде», сообщающий о найденном в шесте Исинбаевой допинге (с маленькой заметкой об одной из её неудач) – неуклюжая шутка.

Во всех газетах (и в «Российской газете») далеко не всегда понятно значение вводимых англицизмов, неправомерное размещение союза *также* и включение в текст неопределённых оборотов.

Особого рассмотрения требует оппозиционная составляющая современных СМИ («Новая газета», «Эхо Москвы», оппозиционные статьи в независимом «Московском комсомольце»). С точки зрения речевого оформления они выигрывают широким использованием культурного кода, подтекстовой информации, иронии (см. например, [Шаховский, Колосова 2014]), лексического и синтаксического разнообразия. Однако в пылу оппозиционной полемики их тексты изобилуют не просто сниженной, а предельно грубой лексикой (примеры были приведены выше), но особенно в устной речи «Особого мнения» на «Эхо Москвы» звучит фактическая демонстрация нелитературной раскованности: до мата дела не доходит, но разные сочетания с явно нелитературным *фиг, ни фига, на фиг, не фиг* и

т.д. за 20 минут передачи иногда звучат до 18 раз, причём из уст таких журналистов, как Н.К. Сванидзе, Л. Радзиховский, чего на других каналах они себе не позволяют.

Характерная для работников «четвёртой» власти самоуверенность в оппозиционной прессе проявляется и в отношении языка. Так, С. Новопрудский в «Новой газете» свысока, если не издевательски, поучает власть, что в русском языке нельзя «*наводить порядок*», его можно только *соблюдать*, хотя во всех толковых словарях, в том числе и ещё в довоенном «Большом академическом» сказано, что это устойчивый оборот, и приводится в толкованиях всех словарей как первый, то есть эталонный, пример употребления и на слово *наводить*, и на слово *порядок*. И тот же С. Новопрудский в той же статье сам нарушает нормы литературного языка, размещая союз *также* в начале предложения.

Особенно много в дискурсе СМИ нарушений разных типов этических и собственно коммуникативных норм. Конечно, по сравнению с 90-ми годами, когда можно было прочесть прямые оскорбления, положительные изменения есть, но их явно недостаточно. Закон о недопустимости оскорблений, ущемления человеческого достоинства и деловой репутации нарушается постоянно путём использования бездоказательных ярлыковых оценок и передёргивания фактов, переименования сказанного (особенно достаётся в этом плане в оппозиционных СМИ В.В. Путину), на «Эхо Москвы» ведущие «Особого мнения» (особенно женщины) при несогласии с гостем ведут себя просто по-хамски, пытаясь тут же переименовать сказанное гостем. Но и на других каналах не только гости, но и ведущие не соблюдают элементарных коммуникативных норм. И на ТВЦ в передачах «Право голоса» и «Право знать», и (особенно) на России-1 в ток-шоу В. Соловьёва «Поединок» и «Воскресный вечер», и даже на канале «Россия-К» в передаче «Что делать» В. Третьякова так перебивают друг друга, одновременно кричат, что не всегда можно понять, кто что говорит. И в любом случае это дурной пример спора, который не только не учит, **как** надо спорить, а фактически навязывает недопустимое поведение. В результате ни телевидение, ни радио, ни тем более Интернет не воспитывает культуру спора, не приучает культурно общаться не только с единомышленниками.

Под влиянием СМИ явно произошло изменение коммуникативных норм официального общения. Когда-то к родителям обращались на *вы*, в присутствии посторонних – к близким по имени-отчеству, теперь стало хорошим тоном использовать привычное *ты*, домашние имена в эфире звучат при малейшей к тому возможности: в разговоре с коллегами, близко знакомыми людьми и даже иногда с незнакомыми, а от

отчества в СМИ фактически, кроме обращения к вышестоящему, отказались. Видимо, из подражания англоязычной культуре. Характерно, что 06.06.2014 на «Эхо Москвы» в «Особом мнении» К.А. Ларина предупредила Н.К. Сванидзе, что радиослушатели возмущаются, когда он называет её *Ксюша*. И первый раз в продолжение всей передачи он иронически называл её *Ксения Андреевна*.

Таким образом, современная коммуникативная практика скорее портит речь населения, чем воспитывает на примерах эталонной речи экологичные и эффективные нормы речевого поведения, тем самым заставляя сомневаться в дальнейшем развитии, а не обеднении и огрублении, т.е. деградации системы языка.

Однако надежда на лучший исход остаётся, и это не маниловские мечты, надежда основана на результатах всё того же мониторинга СМИ, а именно они сильнее всего влияют на узус, а через него – опосредованно – и на судьбу языка. Мониторинг СМИ подтверждает, несмотря ни на что, продолжающий развиваться, а не ослабевать, начавшийся в 2012 г. процесс «самоочищения» речи в СМИ. Расширяется синонимический ряд замен всё ещё употребляемого *аккурат*; сдаёт свои позиции ещё недавно модное *крайне*: господствует *очень*, не реже, чем *крайне*, употребляется *весьма*, встречаются и другие лексические наполнения обстоятельства меры, степени; *довольно* уже явно преобладает над неправомерным *достаточно*; *количество* над неправомерным *число*; *похожий* и даже возрождающееся *сходный* – над просторечным *схожий*; *что касается* уже явно вытесняет уродливое *касательно* и ещё более уродливое *касаясь*; возрождается нормативное расположение союза *также*; фактически уже исчезло не свойственное русской речи размещение глагола *быть* в препозиции к предикативным *можно*, *нельзя*, почти исчезает и при предикативных *нужно*, *надо*, т.е. выражение «помимоволия» в русской речи устояло. Даже неправомерное *нелицеприятный* (возможно, благодаря его включению в словарь с толкованием значения) почти не встречается. Значительно снизило свою частотность паразитическое *как бы*. Перечень примет «самоочищения» хотелось бы продолжить, но, к сожалению, уже осуществившийся факт – вытеснение неправомерным *одеть* глагола *надеть*.

И всё-таки при всех нарушениях норм и «шершавости» современная коммуникативная практика, за редким исключением не дающая образцов речевого поведения и речи как таковой, неправомерно реализующая не столько свободу мнений, сколько свободу самовыражения при редкой выраженности идиостилей (он есть у

В.В. Путина, некоторых писателей и журналистов), всё же демонстрирует процесс самоочищения речи в СМИ, и при улучшении обучения русскому языку в школе по новым стандартам создадутся условия не только для сохранения, но и для лексического и стилистического развития русского языка.

Список литературы

- Данн Дж. О функциях «английского» в современном русском языке // *Russistik* (Берлин). 1998. № 1/2. С. 27–36.
- Куликова Г.С. Способы предупреждения рисков неправильного понимания новых заимствований // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. научн. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2014, вып. 14. С. 76–85.
- Матяшевская А.И. Сниженная лексика в СМИ как проявление общей тенденции к демократизации речи в СМИ // *Известия Сарат. ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2014, т. 14, вып. 1. С. 21–30.
- Милославский И.Г. *Говорим правильно по смыслу или по форме?* М.: АСТ, 2013. 320 с.
- Сиротинина О.Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // *Экология языка и коммуникативная практика*, 2013. № 1. С. 177–193.
- Сиротинина О.Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. научн. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2014, вып. 14. С. 5–14.
- Шаховский В.И., Колосова Н.Г. Эмоциогенность статей журналиста А.В. Минкина: экологический аспект // *Стилистика сегодня и завтра: материалы конф.* М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. С. 254–267.

References

- Dann Dzh. O funktsiyakh «anglijskogo» v sovremennom russkom yazyke [About functions of "English" in the modern Russian language]. *Russistik [Russian Studies]* (Berlin). 1998. No. 1/2. Pp. 27–36.
- Kulikova G.S. Sposoby preduprezhdeniya riskov nepravil'nogo ponimaniya novykh zaimstvovaniya [Sposoby preduprezhdeniya riskov nepravil'nogo ponimaniya novykh zaimstvovaniy]. *Problemy rechevoy kommunikatsii [Problems of Speech Communication]*: Hi. Sat Nauchn. tr. Saratov: Saratov Univ. Publ., 2014. Issue 14. Pp. 76–85.
- Matyashevskaya A.I. Snizhennaya leksika v SMI kak proyavlenie obshhej tendentsii k demokratizatsii rechi v SMI [Substandard language in mass media as a representation of a general trend towards the democratization of speech in the media]. *Izvestiya Sarat. un-ta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 2014. Vol. 14, No. 1. Pp. 21–30.
- Miloslavskiy I.G. Govorim pravil'no po smyslu ili po forme? [Do we speak correctly by meaning or by form?]. Moscow: AST Publ., 2013. 320 p.
- Sirotinina O.B. Razmyshleniya o tom, kak dolzhna ponimat'sya bor'boj za ehkologiyu yazyka [Reflections on how to comprehend the struggle for ecology of language]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika [Ecology of language and communicative practic]*. 2013. No. 1. Pp. 177–193.

Sirotnina O.B. Bor'ba s riskogenost'yu obshheniya kak odna iz problem rechevedeniya [Fighting with riskogenics of communication as one of the problems of conversational speech study]. *Problemy rechevoy kommunikatsii [Problems of Speech Communication]*: Hi. Sat Nauchn. tr. Saratov: Saratov Univ. Publ., 2014. Issue 14. Pp. 5–14.

Shakhovskiy V.I., Kolosova N.G. Ehmotsiogenost' statej zhurnalista A.V. Minkina: ehkologicheskij aspekt [Emotiogenic articles of journalist A.V. Minkin: environmental aspect]. *Stilistika segodnya i zavtra [Stylistics Today and Tomorrow]*: Materials Conf. Moscow: Journalism Faculty of Moscow State Univ., 2014. Pp. 254–267.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского Государственного университета, действительный член МАН ВШ, член – корреспондент РАЕН, заслуженный деятель науки РФ

*ФГБОУ ВПО Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
Россия, 410012, Саратов, Астраханская, 83*

E-mail: skunak@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sirotnina Olga Borisovna, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication, Saratov State University, Full Member of International Higher Education Academy Of Sciences (IHEAS), Corresponding Member of RANS, Honored Scientist of Russia

*VPO Saratov State University named after NG Chernyshevsky
83, Astrakhan street, Saratov 410012 Russia*

E-mail: skunak@mail.ru